

**МИХАИЛ
ДЕЛЯГИН**

РОССИЯ

ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

**КОНЕЦ ЭПОХИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ПРЕДАТЕЛЬСТВА?**

Михаил Геннадьевич Делягин
Россия перед лицом
истории. Конец эпохи
национального предательства?
Серия «Коллекция Изборского клуба»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21528473

*Делягин Михаил. Россия перед лицом истории: конец эпохи
национального предательства?: Книжный мир; Москва; 2015
ISBN 978-5-8041-0746-9*

Аннотация

Новая книга известного российского экономиста, публициста и политика Михаила Делягина посвящена анализу путей развития России в недалеком будущем. Как повлияет на это будущее противостояние России и Запада, война на Украине, грядущий мировой экономический кризис и какие другие события нам стоит ожидать в ближайшие годы? Что надо сделать, чтобы вырвать нашу страну из смертельных объятий экономического либерализма и мирового финансового олигархата? Что станет с ценой на нефть, долларом и рублем? Сможет ли президент Путин возродить державу и почему для этого придется вспомнить экономическое наследие Сталина? Об этом и о многом другом,

что коснется каждого из нас уже в следующем году – прочти в этой книге. Знание – сила. Узнай будущее – стань сильным.

Содержание

Предисловие. Гитлер вернулся	7
Глава 1. Глобальная трансформация: добро пожаловать в историю!	12
Глобальный кризис: зачем Россия человечеству?	12
Глобальный управляющий класс на авансцене истории	25
В жерновах глобальной депрессии: от либерализма – к технологическому социализму	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Делягин

Россия перед лицом истории: конец эпохи национального предательства?

© М. Г. Делягин, 2015

© Книжный мир, 2015

* * *

*Мы живем в предвоенное время.
Предразлучное.
Предпоходное...
Не желаю,
 чтоб подобрели
командиры наши пехотные.
Танки,
 тяжкие, как терпение,
переваливаются на марше.
И скрипят
 ремни портупейные.
И ладонь —
 в оружейном масле.
Радиолы зовут напрасно.
Полдень длится.*

*И полночь длится.
И Россия
 глядит пристрастно
в похудевшие наши лица.
И отцы звенят орденами
над мерцанием
рюмок незвонких.
Обо всем,
 что случится с нами,
вы прочтете в письмах.
И сводках...
У истории
 неистощный
голос.
Крики потонут в бездне...
Над землею дальневосточной
ходят тучи,
 как в старой песне...
Будет трудно?
А что поделатъ?
Будет смертно?
А как иначе?..
У шлагбаумов запотелых
тормоза визжат
 по-щенячы.
Тонет сумрак в дожде мгновенном.
Козыряют нам часовые...
Не впервые
 за послевоенным —
предвоенное.
Не впервые.*

Роберт Рождественский, 1969

Предисловие. Гитлер вернулся

Наше общество вновь приближается к очередному, как говорят в рекламе, «некомфортному» периоду, когда нам опять придется самим отвечать за судьбу не только нашей страны, но и всей русской культуры и русской цивилизации, потому что они действительно вновь могут погибнуть.

Глобальный кризис уже создал страшную ситуацию, в которой миру, и в первую очередь его развитой части, остро не хватает ресурсов. И, когда богатые страны, вдруг ощутив волшебную пустоту в карманах, смотрят на нас, – они видят перед собой 2 % человечества, владеющие 20 % его ресурсов и при этом откровенно слабых в военном отношении, а в отношении современных социальных технологий – и вовсе почти первобытных.

Они видят перед собой добычу: легкую добычу.

И они говорят нам, – разумеется, дипломатическими, политкорректными и культурными словами, так что не все понимают, но позвольте перевести это на человеческий язык, – они говорят нам: на протяжении жизни целого поколения, все последние четверть века вы были нашими младшими партнерами, и нас это устраивало, но теперь ситуация поменялась, и – «ничего личного, просто бизнес», – теперь вы будете просто нашим сырьем, и вами будут управлять назначенные нами и служащие только нам наемные младшие ме-

неджеры.

Именно поэтому против нас начали пока еще «холодную» войну. Все остальные претензии – даже Крым, даже Новороссия – такие же формальные поводы, как малазийский «Боинг» и свобода навязывания гомосексуализма.

Не было бы их, придумали бы другое, – подобно тому, как после провала провокации с уничтожением «Боинга» (когда стало очевидно, что это дело рук как минимум украинских нацистов, а скорее – их американских хозяев) против России ввели санкции сразу же после Минских соглашений: фактически за то, что наши власти попытались приостановить кровопролитие на Украине.

Скоро против России начнут вводить санкции за то, что у Путина есть лабрадор.

Или нет ротвейлера.

Надо осознать с полной, беспощадной ясностью: война на уничтожение России уже идет.

И в этой войне участвует не только Запад как совокупность многими уважаемых и в целом просто замечательных обезьянок с пожилыми нудистками, но и собственно внутри-российская либеральная «пятая колонна».

Люди, считающие своей Родиной более фешенебельные страны и страшно обиженные тем, что в состоянии заработать на жизнь только здесь – на земле, которую они истово, просто чтобы оправдать перед самими собой свое существование, считают «проклятой богом и людьми».

Заработать уничтожением этой земли.

Заработать на свою жизнь нашим уничтожением.

При общении с нашими респектабельными, как говорит товарищ Путин, «партнерами», ни при каких обстоятельствах, ни на минуту нельзя забывать: в Европу вернулся Гитлер.

Он коллективный, а не индивидуальный, и потому его не поставишь к стенке. Но, когда после расстрела детей в донецкой школе 1 октября, в их первый учебный день, Запад пригрозил санкциями не убийцам детей, а России, – и причем за то, что ополченцы могли взять Донецкий аэропорт и прилегающие к нему позиции, откуда убивают этих детей, и прекратить тем самым убийство детей, – это означает возвращение в Европу Гитлера, который относится к нам сегодня точно так же, как и в первой половине 40-х годов.

Не только украинские нацисты, но и Запад, и собственно российские либералы считают нас недочеловеками – «колорадами» и «ватниками», подлежащими уничтожению точно также, как для гитлеровского нацизма подлежали уничтожению евреи и цыгане.

И нам предстоит пройти через войну за выживание.

Она уже началась, – и от того, что мы, разнежившиеся в комфорте, не хотим признавать очевидного, она не остановится, а будет лишь неумолимо нарастать.

И для того, чтобы эту войну пройти и победить в ней, надо понимать, кто мы, зачем мы и чего хотим.

И, самое главное, чего, насколько можно судить, и близко нет сейчас, – это понимание должно быть единым для народа и руководства страны, это понимание должно объединять их, а не раскалывать, как сейчас.

Как достичь единства этого понимания?

В первую очередь просвещением, но просвещение власти – в первую очередь ее внятная конструктивная критика.

Если интеллигентная критика не доходит до мозга, – она должна быть нелицеприятной, а если придется, и грубой.

Такой, чтоб дошла.

У Николая Ушакова есть замечательные слова:

Мир не закончен и не точен.

Поставь его на пьедестал

И надавай ему пощёчин,

Чтоб он из глины мыслью стал.

И к руководящему «миру» это правило, на мой взгляд, относится точно так же, как и к миру обычному.

С каждым нужно говорить на доступном ему языке: не на том, на котором вам приятно вести беседу, а на том, который воспринимает (или который вынужден воспринимать) Ваш собеседник.

И, как бы ни неприятно было нам говорить с российской бюрократией на воспринимаемом ей языке, – говорить придется, выживать нужно не только Путину, но и всем остальным. Хотя без него в предстоящей нам ситуации системно-

го кризиса, а то и глобальной катастрофы, боюсь, просто не получится.

Летом 1986 года я был на выставке Ильи Сергеевича Глазунова в Манеже и даже прямо с нее ушел в армию. Помимо абсолютно незаслуженно малоизвестного сейчас блокадного ленинградского цикла, очень сильное впечатление произвела картина «Петроградская сторона». Сидит на лавочке пожилой рабочий, седоусый, уже совсем на пенсии, и смотрит через реку на плоды своих трудов, – на стену заводов, на огромную индустриальную цивилизацию. И, с одной стороны, он гордится тем, что это создал, а, с другой – ему очень грустно, потому что жизнь прошла, а он мало жил для себя, живя созданием этой цивилизации для всех.

И очень надеюсь, что, когда-нибудь, лет через пятнадцать, Владимир Владимирович Путин тоже будет сидеть на этой же скамеечке и смотреть на цивилизацию, которую он создал.

И пусть ему тогда будет грустно, но страна будет жива, и мы будем живы, и он тоже будет жив.

И если российскую бюрократию придется принуждать к этому разговором с ней, пусть и законным, но в той форме, который она способна воспринимать, – значит, придется.

Потому что единственная альтернатива, как убедительно показывает нам опыт превращенных в руины стран, от Сомали до Украины, – смерть.

Глава 1. Глобальная трансформация: добро пожаловать в историю!

Глобальный кризис: зачем Россия человечеству?

Современные экономические проблемы – лишь частное выражение системного кризиса человечества, которое меняет весь свой облик.

Главное, как обычно, происходит вне экономики. Это коренное изменение отношений человека как биологического вида и как части ноосферы с остальной природой – как неживой, так и, возможно, включающей в себя неощущаемое нами, но включающее нас коллективное сознание (интеграция которого с остальной природой и составляет знаменитую ноосферу Вернадского).

С одной стороны, мы подпадаем под закон сохранения рисков: в замкнутой системе минимизация индивидуальных рисков повышает общесистемные риски – вплоть до слома системы.

Мы видели это на американском фондовом рынке, где си-

система деривативов сделала риски инвесторов в первоклассные корпоративные облигации на порядок более низкими, чем риски эмитентов. Индивидуальные риски были минимизированы, общий потенциал рисков был загнан на системный уровень, и система разрушилась.

То же мы наблюдаем в самых разных сферах: от педагогики (где стремление обезопасить мальчиков порождает пассивность целых поколений) до медицины (где спасение больных детей разрушает генофонд развитых стран). Поскольку мы люди, мы не можем остановить нарастание этих рисков – и обречены на их стихийную, то есть разрушительную, реализацию.

С другой стороны, с началом глобализации развитие технологий сделало наиболее прибыльным из общедоступных видов бизнеса формирование сознания. «Наиболее прибыльный из общедоступных» – значит наиболее массовый: главным делом человека становится уже не изменение окружающего мира, а формирование собственного сознания. Меняется сам образ действия человечества. За всю его историю подобного перехода еще не было.

Сознание человека превращается в объект наиболее интенсивного и хаотичного воздействия. Возникает огромное число обратных связей, из-за которых мир становится менее познаваемым. Снижение познаваемости мира повышает спрос на мистику, снижает потребность в науке, – а значит, и в образовании, которое вырождается в инструмент соци-

ального контроля. Начинается архаизация человечества, его дегуманизация, скатывание в новое Средневековье.

С сугубо экономической точки зрения это можно объяснить приспособлением социальных отношений на всех уровнях – от семейного до надгосударственного, глобального, – соответствующих уходящим индустриальным технологиям, к новым постиндустриальным технологиям. На первом этапе они информационные, затем, вероятно, придет очередь биологических. Однако, говоря об экономических вопросах, следует помнить, что комплекс изменений значительно шире и глубже того круга явлений, который изучает экономика.

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается из-за игнорирования его фундаментальной причины – истощенности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. После победы над нами в «холодной войне» Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив (для недопущения конкуренции с этими корпорациями) освоенные территории возможности нормального развития.

Но это ограничило сбыт самих развитых стран, создав кризис перепроизводства – правда, в первую очередь не традиционной продукции, а преимущественно продукции информационных и управленческих технологий, направленных на изменение человека и управление им: *high-hume'a*, а не *high-tech'a*.

Инстинктивно нащупанное в качестве выхода из этого

кризиса стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира в принципе не предусматривало возврат кредитов и поэтому вызвало в 1997–1999 годах кризис долгов, бумерангом ударивший по США в 2000–2001 годах.

США вытащили себя (и мировую экономику, стержнем которой они являются) из начинавшейся рецессии двумя стратегиями.

«Накачка» рынка безвозвратных ипотечных кредитов перестала работать в сентябре 2008 года.

Вторая стратегия поддержки экономики США – «экспорт нестабильности», подрывающей конкурентов и вынуждающей их капиталы и интеллект бежать в «тихие гавани» Запада. Рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, стимулирующих экономику и технологии (это «военное кейнсианство», эффективно применявшееся Рейганом). Реализованная в 1999 году в Югославии против еврозоны, эта стратегия исчерпала себя уже в Ираке в 2003 году.

«Арабская весна» и террористическая война против Сирии свидетельствуют о вырождении стратегии «экспорта нестабильности» в опасный и для самих США «экспорт хаоса». Они больше не пытаются контролировать дестабилизируемые ими территории, став катализатором глобального военно-политического кризиса.

Более того: привод к власти нацистов на Украины с разжиганием в ней гражданской войны и создание ИГИЛ произ-

водят впечатление подготовки Третьей мировой войны для успешного списания чудовищной пирамиды заведомо безнадежных долгов (как государственных, так и корпоративных).

По доктрине Обамы, пришедшей на смену доктрине Буша, надо в максимальной степени действовать чужими руками, тратя ресурсы своих сателлитов по НАТО, а не свои, и не американизировать незападные общества, а погружать их в самоподдерживающийся хаос, позволяющий контролировать их ресурсы, где они есть, малыми силами. Именно этим вызван союз с исламскими террористами, над которым работал еще Чейни и который стал очевидным в Ливии и Сирии.

Однако в финансовом плане возможности этой стратегии представляются недостаточными для поддержания должного спроса на доллар, – и, соответственно, для сохранения *status quo*.

Сегодня Запад пытается не повысить свою конкурентоспособность, но просто запихнуть мир обратно в прошедшие навсегда 90-е и 2000-е годы, когда под прикрытием разговоров о глобализации и гуманитарных интервенциях почти везде, даже в Восточной Европе, сложился по сути дела новый колониализм.

Это значит (правда, лишь если не рассматривать гипотезу о последовательном разжигании им Третьей мировой войны), что он утратил стратегическую инициативу, которую пока некому подобрать.

Органическая неспособность США поступиться даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих же стратегических проблем, их поистине убийственный эгоизм буквально выталкивает на авансцену мирового развития новых участников – Евросоюз, Китай и, если у нашего руководства хватит решимости и интеллекта, Россию, и кладет конец *Pax Americana*.

Насколько можно понять, интеграция человечества вновь, как в начале XX века, превысила возможности его управляющих систем, и теперь человечество вынуждено уменьшать ее глубину, отступая назад и частично восстанавливая управляемость за счет примитивизации процессов развития.

С сугубо экономической точки зрения содержание современного кризиса – загнивание глобальных монополий. Источников внешней конкуренции на глобальном рынке в силу самой его природы нет. Технологический прогресс, который может быть другим источником конкуренции, тормозится как этими монополиями (в том числе злоупотреблением правом интеллектуальной собственности), так и отсутствием значимых внеэкономических угроз (без которых открытие новых технологических принципов, в отличие от их последующей коммерциализации, нерентабельно).

Поэтому загнивание глобальных монополий будет нарастать, пока не приведет к срыву в депрессию. Из-за нехватки спроса единый глобальный рынок распадется на запутанную систему макрорегионов; снижение масштабов рынков при-

ведет к утрате в некоторых макрорегионах ряда технологий, в том числе критически важных, и к разрушительным техногенным катастрофам.

Макрорегионы будут вести между собой жесткую и хаотичную культурную, политическую, хозяйственную и технологическую конкуренцию, напоминающую межвоенный период. Формирование макрорегионов ограничит всевластие и, соответственно, загнивание глобальных монополий: при всей их мощи их доступ в «чужие» макрорегионы будет ограничен. Поэтому данный сценарий неприемлем для глобального управляющего класса и ближе всех стоящего к нему руководства США: для них лучше погрузить потенциальные макрорегионы в хаос, чем дать им обособиться от контролируемых глобальными монополиями глобальных рынков.

Тем не менее, равновесие, вероятно, будет временно достигнуто восстановлением биполярной системы (с противостоянием США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, возможно, России в качестве сдерживающей остроту этого противостояния силы) в политике и поливалютной – в экономике (каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту).

Однако фундаментальная проблема современного развития заключается не в эгоизме США, не в нехватке ликвидности, не в кризисе долгов, но в отсутствии источника экономического роста США, а с ними – и всей мировой экономики. Ничто не смягчит кризис перепроизводства продукции

глобальных монополий и не создаст новый экономический двигатель взамен разрушившихся. Это означает, что из кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, но в депрессию, длительную и достаточно тяжелую. Эта депрессия, как и Великая депрессия, начавшаяся в 1929 году, будет порождать войны, – но войны долгое время не будут выходом из нее, так как не будут вести к объединению разделенных макрорегионов (и, тем самым, к снижению уровня монополизма внутри них).

Ситуацию усугубляет распространение и совершенствование компьютеров, являющихся олицетворением формальной логики. Оно уравнивает нас по доступу к ней, – и конкуренция между людьми и коллективами постепенно начинает вестись на основе не логического, но внелогического – творческого и мистического – мышления.

В силу неумения их воспитывать с той легкостью, с которой мы воспитываем способность к логическому мышлению, это сделает конкуренцию более биологически и менее социально обусловленной, чем мы привыкли считать приемлемым. Это усилит тенденцию к снижению социальной значимости знания и качества специалистов, что грозит техногенными катастрофами из-за неспособности обслуживать существующую инфраструктуру.

Рост мистического мышления, ужесточение глобальной конкуренции, появление глобального управляющего класса, который, не имея ни избирателей, ни налогоплательщиков,

ни влияющих акционеров, принципиально свободен от ответственности, будет способствовать дегуманизации общества.

Распространение информационных технологий ведет к кризису управления, включая кризис традиционной демократии, которая на глазах перестает работать.

Исчерпанность либеральной и в целом рыночной парадигмы стала очевидной, начиная с валютного кризиса неразвитых стран 1997–1999 годов. (Современная рыночная парадигма подразумевает, что человек живет ради наживы, а либеральная – что государство должно обслуживать глобальный бизнес, а не свой народ.)

Одно из проявлений этой исчерпанности – ликвидация среднего класса.

С одной стороны, если долгов слишком много и увеличивать денежную массу больше нельзя, глобальные монополии начинают сокращать издержки. Это означает сокращение потребления населения, которое потребляет рыночных благ больше, чем производит (хотя оно может производить нерыночный по своей природе человеческий капитал), – то есть в первую очередь среднего класса.

С другой стороны, сверхпроизводительные постиндустриальные технологии делают средний класс функционально лишним.

Глобальные монополии уничтожали его в Африке, Латинской Америке и на постсоциалистическом простран-

стве. Теперь они уничтожают его в «ядре» капиталистической системы: в США и развитых странах Европы. Обнищание среднего класса развитых стран пресловутого «золотого миллиарда» не спасет от кризиса, но переводит этот кризис в новые, постэкономическую и постдемократическую плоскости.

Ведь демократия существует от имени и во имя среднего класса. После его гибели она выродится в новую диктатуру на основе формирования сознания. Это завершит процесс расчеловечивания, отказа от цивилизации. Мы увидим, как Запад откажется от суверенитета и самосознания личности, этого главного достижения эпохи Просвещения, и вернется в Средние века – может быть, через чудовищные бедствия, которые ломают психику общества и индивидуума. Первый шаг к этому уже сделан: декартовское «Я мыслю – значит, я существую» заменено даже не более комфортной для индивидуума формулой «я потребляю», а прямо служащей бизнесу и только ему «я покупаю – значит, я существую».

Реклама внушает, что изменение этикетки на вещи повышает ее цену в разы. Это значит, что массовый обмен уже стал неэквивалентным. А неэквивалентный обмен – это грабеж. Если грабеж стал нормой, традиционного рынка больше нет. И это естественно: обнищание среднего класса лишает современную экономику спроса. А экономика без спроса есть нерыночная экономика.

С другой стороны, системная утрата собственниками

крупных корпораций контроля за их топ-менеджерами, строго говоря, отменяет частную собственность, а с ней и капитализм в его классическом понимании.

Таким образом, традиционные демократия и рынок закончились, просто мы этого еще не признаем.

Кризис демократии и развитие глобального управляющего класса, осуществляющее внешнее управление по отношению ко всему не входящему в нее человечеству, способствует возрождению скрытых, непубличных систем управления, напоминающих по своей природе средневековые ордена.

Они аккумулируют знания, – однако скрытое знание в силу самой его природы умирает, вырождаясь в ритуалы. Поэтому надвигающееся на нас и предвкушаемое частью глобального управляющего класса компьютерное Средневековье будет оставаться компьютерным недолго.

Таким образом, человечество ждет болезненная и глубокая архаизация, сопровождаемая значительными жертвами, – своего рода падение в новые Темные века.

Такова вполне очевидная, тривиальная тенденция.

Мы не знаем, удастся ли человечеству избежать катастрофического движения по этому пути, но должны прилагать все силы для решения этой задачи.

Она двудеина: сохранить технологии и продолжить технологический прогресс, несмотря на сужение рынков (и, соответственно, снижение степени разделения труда), и сохранить гуманизм, остановив общую дегуманизацию.

Представляется, что Россия, даже в сегодняшнем состоянии, является единственной частью человечества, в принципе способной решить эту задачу (и всем здоровым силам человечества стоит помочь ей в этом, потому что «быть способным» – еще отнюдь не значит свою способность реализовать).

С одной стороны, в рамках советского военно-промышленного комплекса был создан колоссальный, во многом сохранный и даже развитый задел сверхпроизводительных «закрывающих» технологий, отличающихся от традиционных дешевизной, простотой и эффективностью. В настоящее время блокируемые монополиями, после их краха в условиях глобальной депрессии они способны сохранять высокую рентабельность даже на узких рынках.

С другой стороны, наша культура принципиально гуманистична – в силу исключительного значения для нее стремления к справедливости. Стремление к справедливости способствует постоянному предпочтению эффективности с точки зрения общества перед эффективностью с точки зрения отдельной личности или фирмы, что является залогом как коллективного выживания, так и сохранения гуманизма.

И, наконец, русская культура носит принципиально мессианский характер: ее носители не только не живут без сверхзадачи даже в условиях высокого комфорта (это общая особенность человека как биологического вида), но и способны самостоятельно продуцировать эту сверхзадачу, как в

комфорте, так даже и на грани гибели.

Это позволяет России всерьез пытаться искать выход из ловушки, в которой находится современное человечество, на пути своего рода «технологического социализма», сочетающего гуманизм и развитие технологий в рамках соединяющего людей «общего дела».

Глобальный управляющий класс на авансцене истории

Анализ развития глобального экономического кризиса и места в нем России будет заведомо неполным без учета формирования в последние полтора десятилетия качественно нового субъекта глобального развития.

Кардинальное упрощение коммуникаций в ходе глобализации объективно способствует сплочению представителей различных имеющих глобальное влияние управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, медиа и культуры на основе общности личных интересов и образа жизни. Образующие его люди живут не в странах, а пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны расположения, а их общие интересы обеспечивают частные наемные армии.

Новый глобальный класс собственников и управленцев противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца (нерасчлененного «хозяина» сталинской эпохи, что является приметой глубокой социальной архаизации), но и в качестве глобальной, то есть всеобъемлющей структуры. Этот глобальный господствующий класс не привязан

прочно ни к одной стране и не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков. В силу самого своего положения «над традиционным миром» он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более, территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой, – и в первую очередь традиционной государственности.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а над – и вненационального глобального управляющего класса. Соответственно, они переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в его интересах, в интересах конгломерата борющихся друг с другом глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством, народом, религией. Естественно, такое управление осуществляется в полном пренебрежении интересами обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления).

На наших глазах и с нашим непосредственным участи-

ем мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится национально-освободительная борьба обществ, разделенных государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального управляющего класса. Это содержание с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил – ибо традиционная разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими теряет значение перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии «новых кочевников».

Практически впервые в истории теряют значение и противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом. Они оказываются незначительными перед глубиной общих противоречий между силами, стремящимися к благу отдельно взятых обществ, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания еще одного, как ни парадоксально, – патриотического Интернационала, объединенного общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естественного образа жизни и суверенитета своих народов.

Большой Ближний Восток: кто является актором?

В силу своего неформального, сетевого и слабо структурированного характера глобальный управляющий класс слабо наблюдаем; его деятельность можно отслеживать в основном по косвенным признакам.

Так, как следует из воспоминаний отставных сотрудников ЦРУ, в 1985 году против общего врага – Советского Союза – сложилась новая глобальная сеть – техасско-саудовский клан, способствовавший снижению мировых цен на нефть и тем самым крушению Советского Союза.

В 2003 году активность этого клана проявилась «в негативной форме»: уничтожение Ирака как суверенного светского государства было невыгодно и США, и Саудовской Аравии как государствам, но принесло огромные прибыли тесно связанным друг с другом нефтяным сообществам обоих.

Но впервые в явной форме глобальный управляющий класс проявил себя, насколько можно судить, в ходе продолжающейся серии волнений, восстаний и революций на «Большом Ближнем Востоке», в первую очередь в Северной Африке и Сирии. Именно его активность, как представляется, породила бросающееся в глаза противоречие между полной неожиданностью для США событий в Тунисе (ко-

которые «дали старт» арабским революциям) и стремительностью их же собственной реакции (от использования материалов *Wikileaks* до распространения профессиональных инструкций для революционеров) на события в Северной Африке в целом.

Причина противоречия в том, что в рамках одной и той же государственной оболочки США сегодня действуют два принципиально различных по своим устремлениям, хотя совпадающие по институтам (а порой и по отдельным людям) субъекта: национальная бюрократия и манипулирующий ей и (во многом «втемную») использующий ее как свой инструмент глобальный управляющий класс.

События в Тунисе стали неожиданностью для близорукой, инерционной и во многом «ситуационно реагирующей» на события, а не активно конструирующей их, национальной бюрократии.

Глобальный управляющий класс, насколько можно понять, готовил их – и с восторгом воспользовался началом революционного процесса.

Причины усилий Запада по дестабилизации Большого Ближнего Востока, а теперь и Украины (при всей объективной остроте проблем этих регионов без этих усилий они сохранили бы стабильность) многослойны.

На поверхности мы видим традиционную логику борьбы за ресурсы. Здесь в рамках общей тенденции архаизации налицо возврат к логике колониализма, ведшего войны

за непосредственный контроль над территориями, в первую очередь – за нефтью и водой Ливии.

Кроме того, налицо месть Каддафи за социализм, а точнее – за трату ресурсов на обеспечение социальной справедливости. Принципиально важно, что не за теракт в Локерби, – сами ливийцы считали его ответным шагом, но Каддафи откупился от Запада, выдав непосредственных исполнителей, заплатив деньги и допустив в Ливию иностранный капитал. Это ярко характеризует вполне средневековый характер правового сознания лидеров «всего прогрессивного человечества»: заплати выкуп – и живи спокойно!

Но при этом не забывай, что ресурсы твоей страны рассматриваются этими лидерами как принадлежащими «всему человечеству», то есть, в переводе на обычный язык, – глобальным корпорациям, чьи интересы они представляют.

И, когда Каддафи платил тысячу долларов медсестре, а 64 тысячи – молодой семье (хотя, разумеется, реальная жизнь была намного хуже официальной рекламы); когда он почти втрое увеличил свой народ за счет создания для него человеческих условий жизни, когда он обеспечивал почти бесплатный бензин, бесплатное образование, здравоохранение и электричество, – он превращал себя во врага отнюдь не столько Чубайса. Делом развенчивая догмы либеральной пропаганды о том, что бесплатной социальной сферы не бывает, он невольно (ибо в последние годы начал вводить в политику серьезные элементы либерализма, из-за

чего его поддержка и ослабла) создавал для нее смертельную угрозу разоблачения ее лжи.

Кроме того, делясь нефтедолларами с народом Ливии в значительно больших масштабах, чем мы видим это в России, он лишал этих нефтедолларов западную финансовую систему. Ведь олигарх или коррупционер, разворовывая деньги народа, выводит их основную часть на Запад, в результате чего они попадают в западную финансовую систему и поддерживают ее существование.

Если же государственный деятель отдает деньги народа самому народу, эти средства остаются в стране и не подпитывают финансовую систему его стратегических конкурентов.

Таким образом, уничтожение «режима Каддафи» было нацелено не только на прямой захват богатств недр Ливии, но и – если это не удастся – на концентрацию доходов от экспорта сырья в руках кучки компрадоров и коррупционеров, которые все равно никуда не денутся и введут эти средства в финансовую систему Запада.

Современная, постмодернистская надстройка традиционной стратегии захвата ресурсов заключается в том, что, если все пойдет наперекосяк, и освоение ресурсов станет невозможным, это не причинит управляющей группе сколь-нибудь заметных неудобств: она просто сменит стратегию, несколько отклонив фокус концентрации своих сил.

Дело даже не в том, что контроль за ресурсами в информационный век важнее их использования, и тот факт, что

нефть не принесет прибыли конкурентам, важнее того, что она вообще никому не принесет прибыли.

Прежде всего, она принесет прибыль в качественно новом, информационном смысле: изъятие ресурсов из оборота, создав дефицит, повысит цены – и повысит спрос на доллар, продлив функционирование их все менее контролируемой заправки в мировую экономику.

Но преследование этой выгоды является лишь частным случаем новой стратегии глобального управляющего класса – хаотизации.

Исчерпание стратегии «управляемого хаоса» и ее трагический провал в Ираке оказался плодотворным: он показал возможность и эффективность качественно новой стратегии «неуправляемого хаоса», которую мы видим в Северной Африке и которую мы еще увидим не только в Сирии, но и в Израиле и, возможно, после Сирии – в России.

Логика проста: «в мутной воде можно поймать более крупную рыбу», хаос дает больше возможностей скачком наращивать власть и богатство, а главное – резко менять траекторию и саму логику развития целых обществ. Эмансипация же глобального управляющего класса от стран его происхождения (кроме, возможно, Швейцарии, Ватикана, Люксембурга, Монако и некоторых подобных государственных образований) снимает всякие ограничения на провоцирование хаоса: до яхты Абрамовича «Пелорус» с ее подлодкой и собственным ПВО не дотянутся ни ливийские солдаты, ни

японская радиация.

И в этом отношении союз США с радикальными исламистами (которые составляли основу ливийских повстанцев с северо-востока Ливии – региона, где на полторы тысячи человек населения приходится один известный Западу боевик «Аль-Каиды») рационален. Ведь именно исламистские боевики – лучшие хаотизаторы современного мира. Именно поэтому первым признаком этого союза стала «засветка» в американских СМИ переговоров, которые вел вице-президент Чейни еще в апреле 2006 года.

Пока единственной явной неудачей «новых кочевников» стал Алжир: ужас его управляющей системы перед исламским фундаментализмом дал ей иммунитет перед протестами. А ведь развитие его по тунисскому или египетскому вариантам прервало бы поставки газа в Европу, посадило бы ее на «голодный паек» и, вынудив европейцев самим делить друг друга на страны «первого» и «второго» сорта, безжалостно ограничивая доступ последних к энергии, положило бы конец европейскому проекту.

Но «арабская весна», оборачивающаяся «исламской зимой», не закончена. Вероятно, попытки дестабилизации Алжира еще впереди, а если вторая после Югославии и создания раковой опухоли в виде Косова и косовской оргпреступности попытка торпедирования европейского проекта окончится неудачей, – придет время следующих. Пока же силы сосредоточены на Сирии, где под видом повстанцев сложи-

лась качественно новая военно-политическая сила – не связанные с той или иной страной исламские боевики, своего рода «Иностранный легион» радикального ислама, легитимизированный Западом и пользующийся его всемерной поддержкой, а также на Ираке, где создан прообраз будущего халифата – ИГИЛ, и на отданной нацистам на растерзание Украине.

Последствия «исламской зимы» для России

Обычно при оценке последствий исходят из сугубо бухгалтерских оценок. Считают потери по обещанным, но не заключенным ливийцами военным контрактам, по контракту на строительство железной дороги и иным проектам. Потом говорят: «Но зато из-за напряженности нефть подорожает или не подешевеет». А потом вспоминают, что цена нефти мало связана с благосостоянием народа, так как основную часть нефтедолларов выводит на Запад криминальная бюрократия.

Такой подход, как и всякий бухгалтерский, драматически неполон. Прежде всего, прямая и явная военная поддержка Западом радикальных исламистов против какого-никакого, но законного и признанного тем же Западом режима откровенно пугает. Особенно если вспомнить массированную информационную (и не только) поддержку, оказывавшуюся тем же Западом исламским террористам в их борьбе против

России во время первой и даже второй чеченских войн.

Новая зона нестабильности, особенно Ливия и Ирак, при поддержке Запада легко может стать новой глобальной площадкой для подготовки исламистских боевиков, – неким подобием того, чем была Чечня в годы своей фактической независимости, после подписания предательского Хасавюртовского мира.

Бить «руку кормящую» боевики побоятся, – а значит, Россия может занять в списке их целей заметное место и стать следующим объектом их глобальной атаки после Сирии. Если учесть состояние отечественных «правоохранительных» органов, приходится констатировать: дестабилизация Большого Ближнего Востока (особенно вкупе с воцарением в Афганистане Талибана и возможным превращением таджикской диаспоры в «пятую колонну» Ирана) вполне может аукнуться России новой террористической войной.

Но главное и уже очевидное последствие агрессии – фактически окончательная отмена международного права.

И в Югославии в 1999, и в Афганистане в 2001, и в Ираке в 2003 году это было именно «попрание норм», которое вызывало масштабный протест, в том числе и на самом Западе. «Попрание норм» – значит, было что попить.

В ходе «исламской весны» никакого протеста не возникло – значит, попить было уже больше нечего.

Агрессия США и их сателлитов против Ливии показала (а агрессия против Сирии подтвердила): можно просто при-

думать конфликт, высосать его из пальца – и на этом основании начать «вбамбливать страну в каменный век».

Можно купить или напугать послов страны, чтобы они остались на ПМЖ и сделали все требуемые заявления, фальсифицировать события при помощи постановочных съемок (которые транслируют глобальные телеканалы, игнорируя реальные новости) и голословно обвинить руководителя суверенного государства в чудовищных зверствах. При этом признавая легитимным руководителем нового ливийского государства бывшего министра юстиции – который, если Каддафи действительно творил какие-то беззакония, должен был нести ответственность за них первым после Каддафи.

Впрочем, даже министр обороны США Гейтс был вынужден признать, что признаков преступлений Каддафи против мирного населения, о которых трубила и западная, и российская пропаганда, не удалось обнаружить ни разведкой, ни самыми изощренными способами технического наблюдения. Разумеется, это отнюдь не остановило пропаганду. Как сказал один из руководителей глобального телеканала, «У нас нет цензуры – у нас есть редакционная политика». После чего помедлил и пояснил: «Она эффективней».

Агрессия против Ливии показала: можно полностью фальсифицировать реальность и на основе этой фальсифицированной реальности протащить через Совет безопасности ООН нужную резолюцию – с грубейшим нарушением регламента (достаточно указать, что представителю Ливии да-

же не было дано слова!) А затем, когда законное руководство страны возопит о прекращении огня и приеме международных наблюдателей, можно спешно напасть на нее – чтобы наблюдатели не успели прибыть и зафиксировать чудовищную ложь глобальной пропаганды. Напасть, кстати, в прямое нарушение Устава ООН, требующего создания для подобных операций международного командования под эгидой ООН и с грубым превышением мандата, – но возмущаться этим уже некому.

Вот в этом отсутствии субъекта протеста – если, конечно, не считать спешно уволенного и разжалованного Медведевым посла России в Ливии Чамова, – и заключается качественная новизна, качественно более высокий цинизм ситуации, который можно определить термином «исчезновение международного права».

Не «попрание», а «исчезновение»: разница велика.

Это исчезновение опасно для России реализацией древнеримского правила «Горе побежденным» и созданием ситуации, когда единственным способом защиты от бомбардировок является не просто наличие ядерного оружия и средств доставки, но и готовности их применить.

Это конец нераспространения: теперь лидера, пытающегося обзавестись собственным ядерным оружием, нельзя обвинить ни в чем, кроме разумной предусмотрительности.

В самом деле: почему никто не смеет тронуть пальцем многократно проклятых Западом Северную Корею и Иран?

Потому что у первой есть ядерная бомба, а у второго – радиоактивные материалы, которые могут быть использованы в «грязной» бомбе, и, главное – есть решимость применить это оружие.

А почему Ливию превращают в новое Сомали? – потому что полковник Каддафи в свое время отказался от создания своего ядерного оружия и не построил даже обычной военной промышленности. Аналогичная судьба и по той же причине на наших глазах постигает Сирию и Украину.

Для России особенную опасность в этих условиях приобретают отечественные либералы, непосредственно перед нападением Запада на Ливию заявившие о том, что ядерное оружие России является помехой для модернизации. Это производит впечатление серьезной, фундаментальной информационной подготовки к отказу России от ядерного оружия для ее подчинения внешнему диктату.

Хотя такую позицию, даже при всем желании, нельзя назвать предательством.

Ведь ключевая часть либералов по всему миру осознает себя частью не своей страны, а глобального управляющего класса. Для них предательство – это защита интересов страны и народа их биологического происхождения от притязаний этого класса, в частности, глобальных монополий.

А уничтожение своей страны и своего народа вполне может оказаться для них почетным долгом, исполнением которого они будут искренне гордиться до конца своих дней.

Формула будущего проста: «терпите либералов? – готовьтесь к бомбежкам!»

За ушко да на солнышко?

Но что нового происходит в мире? Что и почему заставило проявиться почти в явном виде глобальный управляющий класс именно сейчас?

Ответ очевиден: мировой экономический кризис. Глобальный рынок породил глобальные монополии: их некому регулировать, им не с кем конкурировать, – и они, как им и положено, загнивают.

Вся мировая финансовая система под истошные крики о наметавшемся выходе из кризиса качается на грани глобальной депрессии, в пропасть которой одинаково страшно заглядывать и профессиональным оптимистам, и «соловьям Апокалипсиса».

Страшным звоночком во время паники по поводу Фукусимы стало прямое предупреждение США в адрес японского государства, чтобы оно и не думало продавать американские гособлигации.

Это уже не пугающий рост доли краткосрочных бумаг – это прямое ограничение ликвидности, балансирующее, по сути дела, на грани технического дефолта. Недаром крупнейшим кредитором правительства США стала ФРС.

Стандартным, позитивным выходом из ситуации загни-

вания монополий в отсутствие источника внешней конкуренции является технологический рывок, который ослабляет степень монополизации. Но именно поэтому монополии стремятся сдержать технологический прогресс – и надгосударственный всеобщий глобальный управляющий класс выполняет эту функцию. Человечество, поколение назад мечтавшее о космосе и бесплатной энергии, сегодня может рассчитывать лишь на 3D-телевизор, очередной айфончик и диет-колу.

А раз быстрый позитивный выход через технологический рывок невозможен, – наиболее вероятна попытка негативно-го выхода через либеральную экономию на спичках и ограничение потребления «лишнего населения», что означает сваливание в депрессионную спираль.

Глобальный монополизм непосредственно проявляется через нехватку спроса. Сталкиваясь с ней в условиях, когда генерировать спрос путем увеличения денежной массы становится из-за чрезмерного объема денег уже невозможно, глобальные монополии начинают инстинктивно сокращать издержки. В глобальном масштабе это сокращение потребления населения, которое потребляет больше, чем производит.

Это средний класс, становящийся ненужным из-за распространения сверхпроизводительных постиндустриальных технологий.

После его утилизации, на его костях нынешняя, пусть

и несовершенная, демократия превратится в информационную диктатуру, основанную на массовом формировании сознания людей.

И путь к этому не так уж и далек.

Давайте проверим сами себя: за счет управления нашим сознанием при помощи информационных потоков большинство из нас твердо знает, что Каддафи злодей – потому, что глобальные СМИ обвинили его в массовых бомбежках собственных мирных городов и преступлениях по отношению к мирному населению. При этом мы прекрасно знаем, что на самом деле ничего этого не было, а нефтьедоллары делились с населением более справедливо, чем, например, в сегодняшней России, – но «осадок остается»: наряду с осознанием лживости обвинений подсознательно мы ощущаем, что Каддафи плох, и защищать его стыдно.

Таково действие современных информационных технологий даже на критическое, осведомленное и не шокированное личными несчастьями сознание. В ходе же «зачистки» среднего класса Запада это сознание будет лишено критичности современной системой образования, запутано информационными атаками и приведено в пластичное состояние личными шоками – разорением.

В глобальном плане массированное формирование сознания приведет к завершению начинающегося сейчас процесса расчеловечивания, расцивилизации: к отказу от суверенитета и самосознания личности, этого главного достижения

эпохи Просвещения, и возврату к слитно-роевому ее существованию.

Массовое зомбирование, позволяющее создать ощущение полноценного потребления у человека, почти не имеющего возможности покупать (движение к этому можно наблюдать, например, в современной Прибалтике и Восточной Европе в целом), делает ненужной и рыночную экономику.

Благотворительность – лучший бизнес?

Крупнейшие капиталы предчувствуют, а возможно, и предвидят будущее: в их среде наблюдается отказ от собственно рыночной активности в пользу создания новых правил и стандартов в виде новых культур.

Перенос значительной частью богатейших людей (от Гейтса до Потанина) своей активности в сферу благотворительности совсем не обязательно является формой «ухода от дел», хотя благотворительная оболочка действительно эффективно защищает капитал от налоговых расследований.

Но главное в другом: благотворительность как форма организации деятельности целых направлений некоммерческих организаций является стратегическим бизнесом, стратегическим инвестированием, – не в конкретные производства, а в создание новых стандартов, смыслов, идей и структурообразующих организационных конструкций.

Это самый рентабельный бизнес, качественно новая сфе-

ра массовой глобальной конкуренции; СМИ – лишь инструменты трансляции, навязывания, экспансии новых смыслов.

Непосредственно этот переход вызван кардинальным изменением систем управления.

Значение бизнеса по формированию стандартов и стратегий резко выросло в условиях перехода от иерархических систем управления к сетевым. Данный переход никогда не закончится, реальное участие в конкуренции будут принимать сочетания тех и других. На низшем уровне находятся непосредственно действующие сетевые организации, направляемые и отчасти конституируемые иерархическими структурами, находящимися на втором уровне глобального управления. Но сами они – лишь исполнители воли, приводные ремни сетевых структур, какими являются сгустки глобального управляющего класса.

Степень иерархизации мира резко снизилась – причем как внизу, так и на верху управленческой (и социальной) пирамиды: господа действительно вполне диалектически оказались подобием рабов (*а занимающие промежуточное положение менеджеры «выпали из контекста», что сулит в будущем массу интересных социальных коллизий вроде братания владельца корпорации со студентом-протестантом через голову топ-менеджмента; впрочем, популярные в США сюжеты с эстрадным комиком, ставшим или едва не ставшим президентом, могут быть эхом и этой коллизии тоже*).

В практическом плане снижение степени иерархизации систем управления означает снижение роли старых, внешних для личности, административных рычагов и рамок управления – и потребность в появлении новых рычагов и рамок. Поскольку в рамках сетевой структуры субъект действия ограничивается и направляется не приказами, а собственными представлениями и «духом комьюнити», новая система управления должна управлять в первую очередь его мотивациями и общими правилами.

Она должна формировать стандарты поведения, принципы («что такое хорошо и что такое плохо») и основные смыслы, определяющие состав и приоритеты повестки дня, на основании которой действует и субъект, и организация.

Этим занимаются некоммерческие (в значительной степени аналитические, так как среди «сетевых исполнителей» тоже достаточно НКО) организации, оплачиваемые через благотворительность, – и потому благотворительность стала важнейшей формой стратегического инвестирования.

Рыночные отношения заменяются отношениями по формированию глобальным управляющим классом стандартов, норм и правил, – и это во все большей степени чувствуется и в России.

Либеральный клан: египетский вариант для России

Медведев производит сильное и устойчивое впечатление не более чем «фронтмена» рвущегося к власти в России либерального клана. Скорее всего, он не играет самостоятельной роли и может быть заменен после выполнения «непопулярных» мер в стиле 90-х (о возврате которых грезят либералы) или даже до них, в случае своей неспособности проводить в жизнь интересы либерального клана, – например, на Кудрина (попытка вырастить ему «антисистемную» замену в виде Навального была осознана правящей бюрократией и потому пока потерпела неудачу).

Либеральный клан един в своих официальных и формально «оппозиционных» группах (признак этого – свободный приход либеральных оппозиционеров вроде Н. Белых на государственную службу и сохранение чиновников вроде Кудрина в элите после их перехода в оппозицию) и, насколько можно судить, представляет собой туземную службу глобального управляющего класса.

Ставка на Медведева выглядит как ставка на «своего парня», какими бы недостатками он ни обладал, в противовес засидевшемуся и надоевшему своей недостаточной прозападностью «авторитаристу».

Этот выбор полностью аналогичен тому, который глобаль-

ный управляющий класс сделал в Египте.

Мубарак был самым проамериканским и произраильским из всех возможных лидеров Египта, — но он надоел и стал выглядеть недостаточно либеральным по сравнению с каким-нибудь аль-Барадеи (о котором в разгар революции вспомнили ровно на полдня). И верность Западу не помогла Мубараку — а полная недееспособность либералов, которые оказались ничем на фоне как армии, так и абсолютно чуждого им народа, стала для глобального управляющего класса хотя и неприятным, но в итоге мелким и ничего по сути дела не решающим сюрпризом...

Позиция глобального управляющего класса амбивалентна, как и везде: придет к власти «свой парень» и будет делать, что скажут — хорошо. А если он не удержит стабильность, и возврат политики в стиле 90-х окунет страну в хаос — для глобального управляющего класса тоже нет ничего страшного: в мутной и кровавой воде ловится более крупная рыба.

Приходится констатировать: угроза неизбежного в случае новой русской смуты установления китайского контроля над Сибирью, хорошо воспринимаемая представителями американской национальной бюрократии, в отношении представителей глобального класса не работает. Они мыслят не столько материальными ресурсами, сколько информационными потоками и эмоциями. Вероятно, скачкообразное расширение Китая для них, качественно повысив глобальную напряженность, сулит новые прибыли.

Да, в этом случае США потерпят стратегическое поражение, – но, весьма возможно, глобальному управляющему классу их уже не жалко.

Конечно, китайское руководство, в отличие от американского, не манипулируемо и самостоятельно, – но смена поколений (в результате которого, как в Израиле, «отмороженные» патриоты сменяются получившими западное образование и нацеленными на бонусы менеджерами) меняет ситуацию.

Возможно, глобальный управляющий класс просто вырос, и скорлупа американского национального правительства стала для него нестерпимо тесной.

А может быть, он просто совершает ошибку: ведь, освободившись от государства как такового, он освободился и от части государственных аналитических возможностей, – и его совокупный интеллект, вне зависимости от его масштабов, утратил важнейшее качество – системность.

Но, вне зависимости от причин, результат бесспорен: сегодня именно глобальный управляющий класс сталкивает не только мир в пропасть глобальной депрессии, но и Россию – в хаос новой смуты. Правда, в отношении нашей страны он делает это в полном единстве с правящей бюрократией, неутолимо перерабатывающей биомассу (которую она по праздникам торжественно именует «населением») в личные и временно легализуемые на Западе богатства.

В жерновах глобальной депрессии: от либерализма – к технологическому социализму

Время, брат, идёт... весёлое!
Аркадий Гайдар

Беспомощность либерализма перед лицом глобального кризиса

Представители глобального управляющего класса в своих публичных выступлениях демонстрируют, как правило, либо неспособность осмыслить происходящее с современным человечеством, либо принципиальное нежелание искать приемлемый для него выход.

Их получившие известность высказывания характеризуют либо понимание «конца капитализма», не идущее дальше мучительно напряженного ожидания непонятных катаклизмов и заведомо нереалистичных предложений вроде создания «мирового правительства» или глобального «финансового Госплана», либо уровень фондовых аналитиков, мыслящих исключительно категориями сложившейся финансовой системы. В современных условиях кризиса этой системы, с

неотвратимостью ведущего к ее саморазрушению и замене, подобное мышление оказывается не только недостаточным, но и попросту неадекватным – даже с точки зрения тех узких и заведомо частичных целей, которые оно само перед собой ставит.

При всей обидности это совершенно естественно: ведь экономическая теория является отнюдь не орудием чистого разума и не средством познания, – вне зависимости от желания ее создателей и адептов, она по самой своей природе, в силу фундаментальной связи экономики с общественным управлением служит интересам той или иной значительной группы влияния.

Либерализм как экономическая идеология, при всей своей примитивности и даже пошлости, обладает колоссальной мощью и притягательностью именно потому, что является инструментом самоосознания и реализации интересов ключевого фактора мировой истории этапа глобализации – глобального управляющего класса.

Фундаментальный посыл современного либерализма, в отличие от XVIII века, заключается в стремлении отнюдь не к индивидуальной свободе и самовыражению личности, но к, по сути дела, исключаящему возможность этого обожествлению глобального бизнеса и его интересов. Наиболее значимым практическим следствием является глубоко укорененное убеждение, что национальные государства обязаны служить именно глобальному бизнесу, а если его интересы про-

тиворечит интересам национального бизнеса или тем более населения, последние должны в лучшем случае последовательно игнорироваться.

Воспринимая весь мир и его изменения с позиций исключительно глобального бизнеса, современный либерализм, разумеется, в принципе не способен осознать исчерпанность исторических перспектив последнего.

Ведь загнивание глобальных монополий неизбежно, – как ни оттягивай наступление этого момента, – приведет к срыву в глобальную депрессию и разделению глобального рынка на разноуровневые макрорегионы, жестко конкурирующие друг с другом за спрос, капитал и другие ресурсы.

Распад глобального рынка будет означать уничтожение глобального бизнеса как массового явления, определяющего развитие человечества. Большинство корпораций сохранится, их названия и даже собственники останутся почти прежними, – но масштаб их деятельности резко сузится, ограничившись рамками соответствующего макрорегиона, и из глобальных монополий они станут региональными, подпадающими в этом качестве под регулирующее воздействие соответствующих властей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.